

Заимствованные, как мы говорили, из «Первооснов теологии» Прокла, тридцать два положения, образующие «Книгу о причинах», сильно повлияли на философов и теологов XIII века. В этом сочинении отсутствует систематический план и лишь в иерархическом порядке излагаются причины начиная с первой. Причина всех остальных и даже сама их причинность, эта первопричина предшествует вечности, ибо предшествует самому бытию, а следовательно, и всему умопостигаемому. Она неопределима, но ее называют Благом, так как она — первое, что плодоносит, от которого и происходит все остальное, и Единым, так как она — единственная причина, пребывающая над бытием и формами. В этом качестве первопричина принципиально отличается от всего остального, ибо все, что не есть она, множественно, а следовательно, не есть Единое. Бытие возникло только вместе с первой причиной. Вот, кстати, почему говорят, что первым из сотворенных вещей является бытие. Это первобытие — чистая интеллигенция; следовательно, оно просто, но не есть Единое, потому что содержит в своей простоте целостность умопостигаемых форм. Заметим, что в этом учении нашли мощную поддержку сторонники положения о сотворенных идеях, понимаемых как не совечные Богу. В самом деле, здесь Единое пребывает до вечности, тогда как идеи возникают одновременно с бытием и после Единого. Умопостигаемая плодovitость первой интеллигенции выражается утверждением, что она

287

1. Греческое и арабское влияния

наполнена формами. То, что верно для первой интеллигенции, верно и для всех прочих, причиной которых она является: «*omnis intelligentia plena est formis*»*. Формы, причиной которых являются первые интеллигенции, порождают в свою очередь души, в том числе человеческую, — умопостигаемое (сверхчувственное) невещественное бытие низшего порядка; оно, однако, сохраняет присущее интеллигенциям преимущество непосредственно схватывать свою собственную сущность путем мыслительного акта или понимания. Способная познавать вечные вещи, поскольку она сама вечна, всякая интеллигенция и всякая разумная душа, естественно, заключают в себе чувственно воспринимаемые вещи, ибо наполнены их формами. Все сущее зависит от Единого как от одной подлинно творческой причины, однако происходит из него посредством иерархии интеллигенции и умопостигаемых (сверхчувственных) форм, которые являются причинами только в силу причинности Единого и действие которых заключается не столько в творении в собственном смысле слова, сколько в «информации»**.

Первым, кто подвергся подобному давлению неоплатонизма и не выдержал удара, был один из главных толедских переводчиков — Гундиссалин. Написанные им собственные произведения вполне отражают это. Его сочинение «О разделении философии» («*De divisione philosophiae*») представляет собой род введения в философию, где в классификации наук к средневековому «квадривию» он — впервые на Западе — добавляет физику, психологию, метафизику, политику и экономику, само существование которых открыл Аристотель. Намного более важным является его трактат «О происхождении мира» («*De processione mundi*»), в котором Гундиссалин предпринимает попытку истолкования проблемы творения в христианском духе. Однако представляет он ее как человек, который сам перевел «Источник жизни» Гебириоля и «Метафизику» Авиценны. От последнего он почерпнул вдох-

новение и для написания трактата «О бессмертии души» («*De immortalitate animae*»), который не преминул приписать себе Гиль-ом из Оверни. Разнообразные платоновские влияния чувствуются в самой композиции его книги «О единстве» («*De unitate*»), которую